

Поспелова О.В.

К ВОПРОСУ ОБ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

С точки зрения позитивной науки об обществе, вопрос, как возможно социальное познание, лишен смысла. Познание общества возможно точно так же, как и любое научное познание. Оно сводится к наблюдению и анализу фактов, выдвижению и проверке объяснительных гипотез. Однако Бруно Латур в одной из своих работ приводит весьма показательную остроту, заставляющую нас еще раз обратиться к мета-теоретической рефлексии: «Все обстоит превосходно с общественными науками за исключением двух слов: «общественные» и «науки»» [1, с. 20].

Социальная эпистемология начала складываться в конце XIX века, и свое классическое оформление получила в «Методе социологии» Э. Дюркгейма, вышедшем в 1894 году. Эти правила метода, разумеется, неоднократно подвергались модификациям, но, тем не менее, они утверждают конвенции, ставшие и остающиеся до сих пор нормативными, стандартными практиками социологического исследования. Согласно методу Дюркгейма, социальные факты следует позиционировать как существующие вне индивидов. Способность действовать здесь поразительным образом приписывается не субъекту, а самому социальному феномену. Конкретный индивид замещается действующей через неё/него силой в виде закона, обычая, права и т.д. Т. Парсонс, чей структурно-функциональный подход стал парадигмальным не только для англоязычной социологии, но и для отечественного обществознания, строил свою теорию на абстракции деятеля, лишённого тела и наделённого только теми чертами, которые согласуются с теоретическим порядком [2]. Общество в парсонсовском дискурсе воссоздается как нечто независимое, «очищенное» от индивидуальных деятелей, которые могут быть потом введены в социологический текст уже как носители структуры или

системы [3, с. 45]. Этому способствует использование специализированных концептуальных и категориальных форм, которые действуют как объективирующие механизмы. Типичными для такой установки являются репрезентации действий, разговоров, отношений, мышления людей без учета субъектов, которые действуют. Обычной практикой здесь следует назвать номинализацию, когда глаголу, выражающему действие субъекта, придается форма существительного.

Оглядываясь на путь, пройденный социологией, Бруно Латур замечает, что до сих пор подражание общественных наук естественным было комедией ошибок [1, с. 28]. Социологи, по словам Латура, были парализованы «завистью к физике». Причиной этой зависти была, в числе прочего, и иллюзия, что физики имеют дело с объектами, которые им подчиняются и позволяют себя контролировать: беспристрастные ученые властвуют над объектами и объясняют их при помощи строгих причинно-следственных связей. Для того чтобы достичь объективности, социологи стремились максимально снизить влияние человеческих субъектов (своих объектов) на результаты исследования. Получается, что ученые «открывают» именно те структуры, которые и намеривались открыть, т. е. находят то, что намеренно искали. Другими словами, они ищут подтверждения, а не возражения со стороны объектов.

Чтобы понять, в чем разница отношения научного знания к жизненной практике в общественных науках, следует прояснить несколько обстоятельств. *Во-первых*, теории и открытия в естественных науках обособлены от описываемого ими универсума объектов и событий. Это гарантирует, что отношения между научным знанием и объективным материальным миром останутся «технологическими», то есть такими, при которых накопленная информация применяется к независимо образовавшимся совокупностям явлений [4, с. 467]. В этом случае практика, на преобразование которой направлено научное знание, не тождественна содержанию теории. Здесь теория «применяется» к миру. В социальных науках все не так. Здесь практика является целью теории, и последняя трансформирует свой собственный объект.

Говоря очень упрощенно, в социальных науках мы имеем ситуацию, когда люди изучают то, что является продуктом из деятельности. Любая социальная теория – тоже продукт их деятельности.

Во-вторых, в социальных науках нет, и не может быть, универсальных законов, хотя это вовсе не значит, что в социальных науках не может быть значимых обобщений. Однако надо всегда учитывать, что эти обобщения строятся на статистических вероятностях и носят исторический характер. Это обстоятельство является следствием различного характера причинно-следственных связей в физическом мире, и в социальном мире. В первом случае, события «развиваются» сами собой, независимо от намерений и планов участвующих сторон. Во втором случае участники, так или иначе, способствуют появлению надлежащих результатов. Поскольку то, что субъекты деятельности знают об условиях, влияющих на обобщения, причинно-релевантно самим обобщениям, эти условия могут быть изменены посредством изменения знаний [4, с. 465]. В качестве примера, далеко не единственного, можно привести эффект «самоподтверждающегося пророчества».

В-третьих, естественные науки дают знание о физических объектах, которые сами ничего «знать» о себе не могут. Тут ученые оказываются единственными экспертами. В социальных науках все иначе. Социальные агенты, чье поведение выступает тут объектом изучения, сами обладают достаточной социальной компетенцией, чтобы успешно сосуществовать в рамках «общего для всех» мира. Зачастую «открытия» исследователей вовсе не являются принципиально новым знанием для социальных акторов. Однако, как полагает Энтони Гидденс, до сих пор существует предположение, что единственной стоящей информацией о социальных акторах и институтах, получение которой и должно представлять интерес для общественных наук, является знание, которым эти акторы не располагают. Отсюда возникает тенденция сводить к минимуму компетентность и осведомленность, приписываемые акторам, и расширять сферу деятельности причинно-следственных механизмов, которые действуют независимо от мотивов и

намерений акторов. Однако эта тенденция ведет к реификации социального мира, его десубъективации и подвергается критике во многих направлениях современной социологии.

Люди вместе создают человеческую окружающую среду во всей совокупности ее социо-культурных и психологических образований. Благодаря двум типам интенциональных актов — компрегензивным¹ и коммуникативным — окружающий мир конституируется как коллективный, т. е. как со-общество. В результате актов обоюдной компрегензии возникают коллективные способы поведения [5, с. 37-41]. Социальный порядок не является частью «природы вещей». Он существует лишь как продукт экстернализации, непрерывного человеческого производства [6, с. 87]. Это значит, что идея общества не может служить *источником* объяснения, поскольку существование общества есть часть проблемы, а не ее решение. Общество не может рассматриваться как скрытый источник причинности, объясняющий существование или устойчивость действия или поведения; оно не состоит из функций и факторов, но представляет собой результат интеракции субъектов и артефактов. Иными словами, то, что классическая социология полагала в качестве причины, при изменении взгляда на природу объекта становится следствием.

Итак, мы уже показали, что убеждения в отношении социальной реальности, в отличие от тех, которые относятся к природе, само по себе есть составляющие элементы того, о чем они повествуют. Следовательно, критика убеждений и формирование новых убеждений, которое осуществляется благодаря наукам об обществе, трансформируют сам объект их изучения. Отсюда вытекает, что социальные науки никогда не могут быть «нейтральны» в том самом смысле, в каком это требование выдвигается для наук о природе. Возникает вопрос, а должны ли социальные науки испытывать тоску по этой недостижимой для них «нейтральности»?

Когда мы говорим о «социальных (или политических) теориях», то рискуем попасться в ловушку терминов. В переводе с греческого *theoria*

---

¹ От лат. *comprehensio* – связывание, сочетание, постижение

обозначала созерцание, и до сих пор, говоря о теории, мы подразумеваем беспристрастный взгляд извне, обозревающий интересующий нас предмет как нечто целое, как объект, данный для наблюдения. Однако, как на это справедливо указывают многие исследователи, и в частности Корнелиус Касториадис, «не существует места или точки, откуда мы могли бы взглянуть на историю и общество извне, равно как и «логически предшествующей» точки наблюдения, которая дала бы нам возможность вывести теорию, точки, откуда мы могли бы обозревать, созерцать общество и историю, утверждать безусловную необходимость их так-бытия... осмыслять и отражать их во всей целостности» [7, с. 11].

Любая мысль об обществе и истории сама принадлежит обществу и истории. Любой научный анализ современной социальной жизни с ее высоким динамизмом раскрывает темпоральность существующих институтов и тем самым порождает понимание их исторической изменчивости и открытости для дальнейших трансформаций. Результатом является «критическая теория без исторических гарантий». Иначе говоря, любой социальный анализ имплицитно является социальной критикой и имеет трансформативные импликации для того, что он описывает.

Список литературы:

1. Латур Б. Когда вещи дают сдачи: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. Философия. 2003, № 3. С. 20 – 39
2. Parsons T. The Structure of Social Action. Vol.1. Marshall, Pareto, Durkheim. New York: Free Press. 1968
3. Смит Д. Социологическая теория: методы патриархатного письма. // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. СПб., 2000. С. 29 - 64
4. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. 528с.
5. Прехтль П. Введение в феноменологию Гуссерля. Томск, «Водолей», 1999. 95с.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. - М.: «Медиум», 1995. 323с.

7. Касториadis К. Воображаемое установление общества. М.:
Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2003.480с.